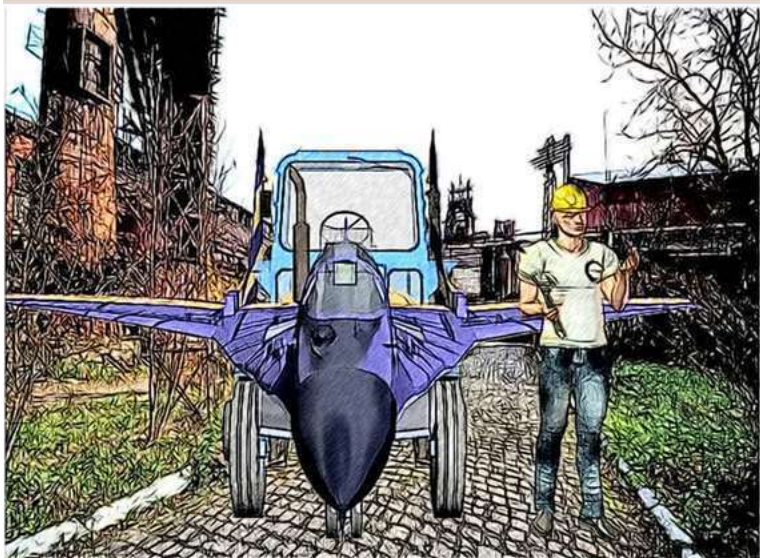

Михаил Акимов

*Юмористические рассказы
и стихи*

Михаил Акимов

Юмористические рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8267813

ISBN 978-5-4474-0110-8

Аннотация

В эту книгу я включил не только юмористическую прозу, но и стихи. Это произведения разных лет, поэтому не стоит удивляться, что в одном из рассказов Саркази неженат, а кто-то из известных людей не в той должности, что сейчас.

Так было.

Содержание

Бродвей	4
Интеллигент	9
Любовь и жертва	19
У каждого свои комплексы	27
День, когда перевернулся мир	35
Даёшь МиГ-29!	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Михаил Акимов

Юмористические рассказы

Бродвей

Шнапс – шнипс – шнуррэ. Буррэ-базилюррэ. С утра Егор Фомич повторял это заклинание, словно и в самом деле собирался вызвать духа, который явится и разом решит все его проблемы. Но дух не являлся, а первое слово заклинания настойчиво уговаривало Фомича плюнуть на всю эту арабскую мистику и сбегать в магазин. «Здесь без бутылки не разберёшься!» – неожиданно для себя перешёл он уже на русский фольклор и подумал, что и в самом деле нужно шире, смелее опираться на отечественные традиции.

Родная идеология и впрямь не подвела, и через десять минут и три стопарика Егор Фомич в общих чертах уже представлял решение трудного вопроса. Суть была в следующем. Год назад сюда, в село Малый Пуп, приехал Гошка Балалайкин... то есть, когда-то Гошка, а ныне гражданин США Джордж Банджоу, и заявил, что хочет обустроить быт на своей исторической родине. В частности, проложить дорогу до соседнего села Средний Пуп, а в перспективе и дальше, до Большого. Словом, завязать все Пупы. Гош... Джордж настаивал, что дорога должна называться на американский

манер – Бродвей. Да это бы ещё пёс с ним. Главное ведь, чего, паршивец, удумал: «Строительство, – говорит, – будет осуществляться по американским стандартам!» Повернётся же язык такое выговорить! Во-первых, по американским – это значит прямая, а приехавший из города геодезист перед началом работы основательно накачался самогонкой, и в результате проложенная им трасса, выйдя из Малого Пупа, до Среднего так и не дошла, а попетляв по лесам и болотам, в Малый же и вернулась. Во-вторых, обнаружилось это только тогда, когда дорогу полностью заасфальтировали, да и то случайно: коллега Фомича, председатель сельского поселения Средний Пуп, который с утра стоял с ножницами перед ленточкой (Фомич накануне ему позвонил: жди, завтра соединяться будем!), в пять вечера приехал на УА-Зике по старой дороге, причём, уверял, что с новой трассой нигде не пересекался. В-третьих, по американским – значит прочная, а из-за того, что стараниями геодезиста трасса неимоверно удлинилась, асфальт пришлось укладывать слоем не толще папиросной бумаги. Здесь, правда, сыграли роль и сопутствующие обстоятельства: из первой же пришедшей в село машины с асфальтом собственно на трассу не осело ничего, зато во всех огородах между грядками появились очень ровные дорожки, а Иван Трясоруков, известный всем воришка, ухитрился даже покрыть асфальтом крышу своего дома и курятника. В-четвёртых, по американским – значит ровная, а поскольку из-за всего вышеперечисленного време-

ни потеряли немало, то возиться с планировкой и подготовкой трассы не стали, а уложили асфальт прямо на то, что было.

И вот сегодня приезжает Джордж, чтобы принять работу, и, конечно же, увидев всё это, осатанеет. Отвык ведь он там, за бугром, от родных реалий. «Шьёрт побирай! – скажет он, – Уот олл это понимает? Куда есть пойти мои мани? Ай буду жаловайс ваш президенте Путин!» В общем, международный скандал. А там и до ООН дело дойдёт. «Скажите, – язвительно спросит грузинский представитель Виталия Чуркина, – что, собственно, вы хотели сказать этой дорогой, проложенной в форме неизвестной в геометрии фигуры? Молчите? Нечем крыть? А я вам скажу: она проложена в виде первой буквы одного неприличного грузинского слова. Это оскорбление, – повернётся он ко всем представителям, – и я предлагаю исключить Россию из ООН!» А что, ведь и исключат. А отвечать за всё это кто будет? Он, председатель. Фомич внимательно посмотрел на этикетку бутылки: «Ром „Капитанский“. Креп. 45*». Ах, вот оно что! Ну, тогда про ООН – это ему дополнительные пять градусов навевали, а вот Гошка, конечно, обязательно взвоят.

Но, как я сказал, вчерне решение проблемы уже было намечено, а глотнув ещё пару раз, Фомич знал его и в целом.

Через полчаса у начала магистрали на солидной мраморной плите красовалась выведенная зелёной краской на голубом фоне надпись «Бродвей». Написано, правда, было

несколько неровно – художника надо было хватать с утра, пока он ещё не похмелился, – и сквозь голубой фон просвечивала старая надпись: «Шалтайкин Иван Ромуальдович. 23. 11. 1907– 15. 02. 1954», но переделывать было уже некогда.

– Всё понял? – спрашивал водителя Егор Фомич. – По трассе чеши с бешеной скоростью: главное, чтобы впереди машины асфальт не успевал лопнуть, а что он сзади будет кусками вываливаться – так это ерунда, мы американцу оглядываться не дадим.

Джорджа Банджоу встречали по всем заведённым в России правилам: первые сто грамм в его машине, вторые – при выходе из неё, третьи – при посадке в председательскую; потом – отдельно – за приезд, на дорожку, за соседку Марь Вановну – вон она с солёненькими огурчиками стоит, помнишь её? – и так далее. Если от первой стопки американец решительно отказывался, про вторую говорил: «Ну, это уже лишнее!», про третью, махнув рукой, сказал: «А давай!», то четвёртую и все последующие Гошка наливал себе уже сам и даже кровно обиделся, когда на десятой Фомич попробовал сказать, что ему сегодня уже хватит.

Инспекция прошла успешно, и новое предложение Гошки-американца возвести в центре села монумент – скульптурную группу из трёх человек: Гошка с Фомичём сидят и пьют водку, а Клинтон играет им на саксофоне – председатель воспринял без всякого внутреннего содрогания,

несмотря на то, что гость особо подчёркивал, что всё должно осуществляться по американским технологиям. А в самом деле, чего бояться? Судя по тому, что всё, в конце концов, обошлось, не очень-то их технологии от наших отличаются!

Интеллигент

(пародия на ТВ-сериалы)

Наверняка, они уже забрались в мой гостиничный номер и обшаривают вещи.

Я осторожно открыл дверь и проскользнул вовнутрь. Так и есть: здоровые ребята в кожаных куртках и с коротко постриженными головами перевернули всё вверх дном, а сейчас разламывают мой кейс.

– Не помешаю? – спросил я.

Я всегда спрашиваю или здороваюсь перед тем, как открыть стрельбу. Потому и имя у меня – Интеллигент. Ребята дёрнулись, было, к своим пушкам – да уж куда там! Поскольку их было только шестеро, всё закончилось очень быстро. Я покачал головой, удивляясь их наивности: знали ведь, что будут иметь дело со мной и даже пулемёта не захватили!

Секунд 10 я постоял, вслушиваясь: похоже, больше ничего не было. Однако, следовало проверить ещё ванную и туалет. Неслышно ступая, я подкрался к дверям, распахнул их и, слегка согнув ноги в коленях и держа пистолет двумя руками, последовательно обработал стволом все контрольные точки обоих помещений.

– Чисто! – сказал я себе, поскольку больше сказать это было некому: я всегда работаю без напарника.

Дальше задерживаться в номере, конечно, не стоило. Раз уж они пронюхали о моём приезде, значит, с минуты на минуту следовало ждать других гостей.

В коридоре никого не было, не считая тех, кому там быть и положено. Я мягко, кошачьей походкой двигался по этажу, прикрыв пистолет согнутой в локте левой рукой. Из-за дверей 325-го номера доносился какой-то шум, и я интуитивно понял, что это имеет отношение ко мне. Я, как и в первый раз, пробрался туда неслышно, но мог бы этого и не делать. Находившимся в номере двоим мужчинам было явно не до меня: там шла драка, да ещё какая! Прямо на моих глазах один из них, лысый толстяк, залепил тортом в физиономию другому, худенькому очкарику. Тот начал очень смешно облизываться.

– Развлекаетесь? – насмешливо спросил я. (Я всегда спрашиваю или здороваюсь перед тем, как открыть стрельбу).

– СТОП! – послышался недовольный голос режиссёра. – Перерыв пять минут! А вы, – кивнул он мне, – подойдите-ка сюда!

– Что опять не так? – спросил я. – Вы же знаете, я всегда спра...

– Вы на часы хоть иногда смотрите? – перебил режиссёр. – «Интеллигента» мы снимаем с 9-ти до 11-ти. А сейчас, – он показал мне свои часы, – пять минут двенадцатого. Уже целых пять минут идёт съёмка комического сериала «Бедный Павлик»!

– Попробуй, разберись, – стал оправдываться я. – Во всех сериалах одни и те же актёры, все съёмки проходят в одном помещении... Вы бы хоть сценарии раздавали!

Он ехидно засмеялся:

– В день мы снимаем пять сериалов. Если я даже – просто ради смеха, – поручу кому-нибудь написать сценарий, вы же всё равно прочитать не успеете. Так что давайте прекратим дискуссию, – он покровительственно похлопал меня по плечу. – Ну-ну, вы же сможете, я знаю. Просто перемещайтесь в кадр, внимательно слушайте, о чём говорят другие, и тоже что-нибудь говорите.

– Пошутить о чём-нибудь, – предположил я.

– А вот этого не надо, – нахмурился режиссёр, – ещё не известно, что вы нашутите.

– Так сериал же комический, – напомнил я.

– Ну, и что? Просто мы потом на монтаже после каждой третьей реплики будем давать закадровый смех, вот зритель и поймёт, что это пошутили. Да, – спохватился он, – вы в комнату неправильно вошли! Надо было влететь, как от пинка! Если боитесь, что не получится, пусть вас по-настоящему пнут. Обратитесь к водителю, он это всегда с удовольствием...

Но мне не хотелось, чтобы меня пинали.

– А может, – предложил я, – я просто войду, а вы потом дадите закадровый смех, и зритель поймёт, что меня...

– Что, уже шутить пробуете? – снова нахмурился режис-

сёр. – Всё, все по местам! Ассистент, принесите новый торт, сцену надо переснимать.

Но на меня, похоже, в тот день что-то нашло: так и хотелось попробовать себя в режиссуре, и я обратился с новым советом:

– А что, если её не переснимать, а вставить в «Интеллигента»? Помните, в прошлом месяце, когда мы сдавали сериал «Дважды беременная и покинутая», оказалось, что монтажёры по ошибке вклеили в него сцены из трёх других сериалов? И никто ничего не заметил, хотя в тех сериалах мы эти сцены тоже оставили.

– А ведь верно, – задумался режиссёр, но тут же замотал головой: – Нет, нет, всё-таки переснимем, а ж потом разберёмся, что куда вставлять! Начинаем!

Я вздохнул и пошёл искать водителя. На этот раз всё прошло, как по маслу.

Следующей была съёмка сериала про зону «Опущенные и оскопленные», но поскольку к этому моменту со мной уже успели проделать всё, перечисленное в названии, режиссёр сказал, что я свободен.

– Только далеко не уходите, – предупредил он, – может, ещё понадобится.

– Для чего ж это я ещё могу понадобиться? – резонно возразил я, припоминая отснятый материал. – Вы же вчера признались, что на большее у вас фантазии не хватает!

– Ну, мало ли, – невнятно пробормотал он, – может быть,

всё-таки, кто-нибудь что-то новенькое придумает...

Я направился в кафе неподалёку, чтобы перекусить. За одним из столиков я увидел красивую и чем-то очень знакомую мне девушку; она тоже заметила меня и призывно помахала рукой. Я сделал заказ, сел рядом с ней, продолжая лихорадочно размышлять, в каком же сериале мы вместе снимаемся, как её зовут и как начать разговор. Она начала его сама:

– Может, ты хоть сегодня придёшь пораньше? Мне уже надоело каждый день уверять соседей, что мой муж пока ещё меня не бросил и что сегодня он обязательно вместе со всеми поработает на благоустройстве двора!

– Отлично, – кивнул я, – и текст хороший, и интонация искренняя. Палычу понравится. А в каком сериале ты играешь мою жену?

В её глазах засверкали молнии.

– Да не в сериале, болван! – крикнула она. – Не в сериале, а в жизни! И не играю, а на самом деле мучаюсь! Ты что, уже и меня не помнишь?

– Что ты кричишь? – стал выворачиваться я. – Помню, конечно. Это я репетировал реплику к «Бедному Павлику». Вижу, что здорово получилось, раз ты поверила. А насчёт двора – завтра у меня свободный день, и я готов его весь посвятить благоустройству!

Жена (надо же! Я, выходит, женат?), по-моему, не очень поверила, но, всё-таки, промолчала.

На студию я вернулся как раз вовремя: началась съёмка

«жизненного» сериала «Просто Наталья». Здесь и было всё просто. Мы сидели в гостиной и обсуждали вопрос о чайнике. На правах старшего брата главной героини, я первым начал разговор: очень последовательно и логично объяснил всем, что, поскольку чайник мы поставили давно, то он, наверное, уже вскипел; следовательно, надо пойти и выключить. Но наша с Натальей тётя сказала, что раньше – да, когда у нас ещё чайник был не автоматический, его надо было выключать, а теперь чайник у нас автоматический, и его выключать не надо, он сам выключится. Тут и остальные вступили в разговор и стали рассуждать о том, как плохо было раньше: чайник был не автоматический, и его надо было выключать; зато теперь – совсем другое дело: чайник автоматический, и его выключать не надо. Получалось, что все объединились против меня. Тогда я им сказал, что, хорошо, чайник у нас сейчас автоматический, его выключать не надо – раньше надо было, а сейчас нет, – но заварной-то чайник у нас не автоматический! Значит, надо пойти, обдать его кипятком и насыпать заварки. Все как-то подавленно промолчали, и я подумал, что, наверное, высказался чересчур резко. Чтобы как-то смягчить свои слова, я высказал предположение, что наступят времена, когда и заварной чайник будет автоматическим, и тогда не надо будет идти, обдавать его кипятком и насыпать заварки. Сразу же воспрывшая после моих слов тётя сказала, что – да, заварной чайник у нас не автоматический, и надо обдать его кипятком, а вот завар-

ки насыпать рано, потому что надо сначала обсудить, какой именно заварки туда насыпать.

За этим интересным разговором время пролетело как-то незаметно, и вот уже режиссёр стал показывать нам знаками, что серия заканчивается, и нужна какая-нибудь эффектная концовка. И тут мы все, не сговариваясь, вернулись к теме, которую начали обсуждать совсем недавно: последние серий десять. Уже в то время мы заметили, что Наталья как-то располнела и стала любить солёные огурцы. И мы всё гадали: к чему бы это. А сейчас дядя Петя взял и ляпнул: это, мол, у неё от беременности! Мы стали думать, что бы на это ответить, но не придумали.

И тут послышалось «СТОП!» режиссёра.

Он был очень доволен:

– Финал потрясающий! А как здорово вы сыграли ошеломление: прямо, как немая сцена в «Ревизоре»! В начале следующей серии мы этот эпизод повторим. Во-первых, потому что он очень эффектный, а во-вторых, – ещё 10 минут таким образом выиграем. Ну, всё! До послезавтра все свободны!

Я шёл по улице и грустно думал о том, насколько отвык от реальности. Вот, кончились съёмки, и я понял, что совсем не представляю, куда должен идти и что делать. Внезапно я обнаружил, что нахожусь на пустынной улице, и ко мне направляется группа ребят самого хулиганистого вида.

– Закурить не будет? – спросил один из них.

...Я медленно приходил в сознание. Очень болел затылок, лицо было в крови, из карманов исчезли бумажник и сотовый телефон. Опять я попался на этом! Главное, сколько раз видел себя в подобной ситуации на экране! Всё очень красиво: я, слегка разведя в стороны ноги, резко сжимаю кулаки и, вбирая носом воздух, начинаю подтягивать их к телу, затем делаю полуприсест и ставлю первый блок. А эти меня – бутылкой по голове! Даже остальное не досмотрели и не дали сказать «И-йя!». Ни один бандит в сериале не вёл себя так подло!

Я огляделся по сторонам и увидел чем-то знакомый мне дом. Внутренний разум подсказывал, что я бываю здесь довольно часто. Минут пять я честно пытался вспомнить, в качестве кого сюда прихожу, но ничего не получилось: снимаюсь в большом количестве сериалов, я совершенно перестал ориентироваться в том, что происходит со мной на съёмках, а что – в реальной жизни. Махнув рукой, я решил полностью положиться на интуицию, рассудив, что ноги сами приведут меня, куда надо. Ноги привели меня к дверям какой-то квартиры, а рука нажала на звонок.

Дверь открыла молодая женщина. Увидев меня, она ахнула:

– Господи, да что с тобой?

Я что-то проямлил. Она провела меня в комнату, уложила на диван и стала обрабатывать мои раны. Я по-прежнему не знал, кто она такая и как её называть. Но, слава Бо-

гу: Он дал женщинам язык! Ухаживая за мной, она говорила без умолку, и уже через пять минут я выяснил, что её зовут Люся, мы с ней любовники уже полгода, и я обещал развестись и жениться на ней. «А-а, – мысленно обрадовался я, – так это же, как в сериале «Измена как измена»!

Дальнейшее общение не составило для меня никакого труда.

Домой я возвращался, как всегда, затемно. В кармане лежала бумажка, на которой рукой заботливой Люси был записан мой домашний адрес и имя жены.

Я прикидывал, сцены из какого сериала больше подойдут для домашнего поведения, но тут послышался визг тормозов, и рядом остановилась студийная машина. Из неё выскочила ассистентка.

– Где вы ходите, господин артист? – затараторила она. – Мы вас обыскались, а Николай Палыч срочно требует!

Меня запихнули в машину и отвезли обратно на студию. Помреж посмотрел на моё лицо, но ничего не сказал и помог переодеться в съёмочный костюм.

– Ну, наконец-то! – приветствовал меня режиссёр. – А у меня для вас чудесная новость! Мы нашли нового консультанта: психопатолога. Он подсказал столько сцен для «Опущенных и оскоплённых» с вашим участием – ещё год сниматься будете!

И тут я, наконец, понял, как это всё мне надоело! Как я хочу попробовать жить только настоящей жизнью!

Я ощупал карман: пистолет с «Интеллигента» был там.

– А «Занудливых и придурковатых» вы снимать не хотите? – спросил я.

Я всегда спрашиваю или здороваюсь перед тем, как открыть стрельбу.

Любовь и жертва

(подражание О. Генри)

Ромео ради любви готов был отказаться даже от своего имени. Голливудский актёр Рассел Кроу пожертвовал карьерой и миллионными гонорарами, чтобы всё время находиться рядом с возлюбленной. Эти имена на слуху, и их пример, конечно, впечатляет. Но Любовь – богиня очень демократичная, и жертвы людей не столь богатых и знаменитых значат для неё ничуть не меньше.

Сид и Джулия были женаты уже почти три года. Вполне достаточный срок убедиться, что вечно хрупкая лодочка Любви не разбилась вдребезги об огромный трансконтинентальный лайнер Быта, а, попав в его струю, плывёт себе рядом, лишь изредка испытывая лёгкие бортовые удары.

Джулия оказалась неплохой хозяйкой. Почти всегда с первой же попытки она могла поджарить яичницу или даже колбасу, а Сид, погнув всего два гвоздя, уверенно вбивал в стену третий, причём, настолько прочно, что тот редко вываливался сразу же, даже если на него что-нибудь повесить – не слишком тяжёлое, конечно.

Надо сказать, что не очень-то они и стремились вкушать изысканные блюда или уставить две свои крохотные съёмные комнатки красивой мебелью. И не только потому, что

у них не было для этого денег. Сид и Джулия были людьми творческими, и именно с Творчеством связывали все свои надежды и устремления. Он заканчивал свой первый, совершенно грандиозный роман, а она, коротая время в ожидании вот-вот готовых свалиться на неё выгодных заказов, оттачивала своё мастерство книжного иллюстратора. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы делать иллюстрации для романа Сиды! Каждый из них должен идти в Искусстве своей дорогой – так они решили сразу же после того, как поженились. Точнее, так решил Сид.

– Малышка, – сказал он, – я – писатель, ты – художник, вроде бы, само собой напрашивается, что мы должны работать в паре. Но этого делать нельзя. Вот, скажем, выйдет моя книга с твоими иллюстрациями, и ты будешь думать, что пробилась только благодаря мне, а это может лишить тебя уверенности в своих силах. Но когда-нибудь потом, когда каждый из нас сделает себе имя, мы обязательно объединим наши таланты.

Джулия не имела ничего против того, чтобы пробиться благодаря Сиду. Но она охотно и даже горячо с ним согласилась. Любая умная женщина сделает так. Она не знает, почему, но знает, что так надо. А Джулия, несомненно, была умной женщиной: разве вы встречали где-нибудь глупого художника?

Остаётся только сказать, на что же они жили, ибо Искусство имеет обыкновение кормить только уже признанных

мастеров, а новичков – даже амбициозных – допускает к себе только после того, как они поели где-нибудь на стороне. С этой целью Джулия давала уроки рисования, а Сид хватался за любой случайный заработок. Надо признать, что им не пришлось бы жаловаться на недостаток денег, если бы именно эти виды деятельности были их основной работой. Джулия легко входила в контакт с детьми, а её приятная внешность располагала к ней и родителей; Сид же очень быстро сделался настоящим асом в погрузке и выгрузке ящиков с товарами, и его охотно нанимали в любом магазине. Но не очень-то их это радовало, ибо стремились они совсем к другому: Джулия размещала объявления с предложением услуг по оформлению книг, а Сид бегал по издательствам, просиживая в них часами в тщетной попытке обратить на себя внимание редактора.

Отношение со стороны последних к очередному новоиспечённому литературному гению общеизвестно. Если вы, начинающий писатель, пришли в издательство, а редактор встречает вас с распростёртыми объятиями и говорит, что ваша рукопись – чудо, и он немедленно издаёт её громадным тиражом, призовите на помощь весь свой здравый смысл, твёрдо заявите, что прекрасно понимаете, что никакой он не издатель, а врач психиатрической клиники, и он, возможно, решит, что лечение проходит успешно, и вас пора выписывать.

Сиду пока все редакторы попадались настоящие, поэтому

ни о каких изданиях и тиражах речи не заходило.

И всё же иногда бывает, что госпожа Удача – особа крайне капризная, взбалмошная и эксцентричная – вдруг подкидывает вам и приятный сюрприз. Просто для того, чтобы лишний раз намекнуть на свою непредсказуемость.

Случилось так, что маститый и успешный писатель Барни Хауер повздорил с редактором издательства «Будни Мельпомены» Джеффом Макдауэлом и лишил его своего очередного романа, злорадно предложив попробовать возратить через суд выданный ранее аванс. С отчаяния Джефф полез в мусорный бак, где у него хранились рукописи начинающих авторов, вытащил ту, что лежала в самом верху (это оказался роман Сида) и погрузился в чтение, вскользь про себя отметив, что первые восемь строк ему будто бы уже знакомы.

На следующий день Сид, в очередной раз забежавший посидеть в коридоре издательства, сделать этого не смог, потому что секретарша редактора, приветливо и даже как-то по-свойски улыбаясь, пригласила его к шефу. И уж совершенно ошеломляющим было то, что редактор выскочил из-за стола, поздоровался с Сидом за руку, предложил расположиться в кресле и угостил сигаретой. Сид заподозрил, что всё это неспроста, и это тут же подтвердилось. В своей горячей речи редактор похвалил его самого и его роман, определил роль и значение Сида в мировой литературе, выразил уверенность в будущем с ним сотрудничестве, которое, впрочем, лично он готов уже начать прямо сейчас, опубликовав роман весьма

значительным тиражом. Будучи человеком честным и объективным, редактор признал, что роман другого начинающего автора, Джона Брукса (оказавшийся в баке вторым сверху), вряд ли слабее, и он, редактор, колебался в выборе, но всё же сделал его в пользу Сида. В заключение своей пламенной тирады он предложил немедленно приступить к работе с художником издательства, от себя присовокупив, что договор будет составлен уже на этой неделе.

– А могу я сам найти себе художника? – спросил Сид, о чём-то усиленно размышляя.

– Ну, если его уровень достаточен... Пусть принесёт пару своих работ, а там решим.

Будь мы с вами на месте Сида, мы бы, конечно, выйдя от редактора, громко закричали на всю улицу или пустились в пляс. Такое поведение было бы вполне логичным, поэтому нам абсолютно непонятно, почему Сид не проделал всё вышперечисленное, а, собрав на лбу не меньше десятка морщин, направился в сквер, где уселся на скамью в глубоком раздумье.

По странному совпадению, и Джулия в этот день находилась в схожем состоянии. Она сидела дома и грустно размышляла, что, вот, сегодня годовщина свадьбы – три года! – и хорошо бы сделать Сиду какой-то полезный и функциональный подарок. Про новый компьютер, разумеется, и речи нет, но хотя бы купить новую клавиатуру вместо старой, с наполовину стёршимися буквами. Ещё утром это казалось

вполне осуществимым – ведь семья Андерсенов отдаст ей сегодня плату за обучение дочери, – но всё рассеялось в дым, когда миссис Андерсен, краснея и извиняясь, попросила отсрочить это до завтра.

– Конечно, конечно, ничего страшного, – пробормотала Джулия, мысленно проклиная себя, что не может твёрдо и настойчиво заявить, что деньги ей просто необходимы и именно сегодня.

Говорят, уровень благосостояния семьи исчисляется количеством вещей, которые можно быстро продать, не понеся при этом существенных убытков. Мысленно попробовав продать что-либо из своих украшений, Джулия сделала правильный вывод об их с Сидом благосостоянии. Она уже приготовилась расплакаться, но тут зазвонил телефон. Может, это Андерсены, и сейчас скажут, что могут заплатить сегодня?

Но мужской голос в трубке был Джулии не знаком, и поначалу она решила, что кто-то ошибся номером. Однако мужчина спросил именно её, а разговор пошёл так, что она с трудом верила своим ушам.

– Миссис Джулия, мне довелось видеть ваши работы... Понимаете, я – писатель, и в ближайшее время в издательстве «Будни Мельпомены» выйдет мой роман. Не согласились бы вы взяться за его оформление?

Вот это да! Джулия уже готова была проверещать «Да, да, да!», но тут её сразила очень неприятная мысль. А как же

Сид? Она знает, что такое мужское самолюбие! Как перенесёт Сид тот факт, что она раньше него делает себе имя в Искусстве?

Кто сказал, что только мужчинам свойственно самопожертвование? Любящая женщина способна в этом подняться до таких высот (или опуститься до таких глубин), что ни одному мужчине и не снилось. Достаточно твёрдым голосом и как бы находясь совсем в другом мире, она сказала, что ей это предложение очень приятно, но, к сожалению, вынуждена отказать, так как серьёзно занята чрезвычайно важным проектом.

После этого, не дожидаясь ответа, положила трубку и сделала вторую попытку расплакаться.

И снова ей этого не дали. Опять зазвонил телефон, и на этот раз действительно мистер Андерсен после сотни извинений сказал, что готов заехать к ней домой и привезти плату за обучение.

Джулия вытерла так и не успевшие прорваться слёзы и улыбнулась. Будет у Сида новая клавиатура!

Здесь вполне можно было бы поставить точку в этой истории. Добавить только, что вечером пришёл Сид и принёс свой подарок: набор чудесных оформительских кистей! Чего же ещё? Наши герои поступили очень симпатично: Джулия пожертвовала своим успехом ради любимого, а Сид не забыл, что сегодня – годовщина свадьбы. Для мужчины это уже немало!

Но что-то подсказывает мне, что для знания полной истины нам необходимо послушать один разговор, который произошёл чуть ранее вот в этом кафе. За столиком сидят двое мужчин, и один из них – Сид. Как раз он и говорит что-то:

– Джон, я разыскал вас для того, чтобы сделать одно предложение. Я только что от редактора «Будней». Он сказал, что долго делал выбор между моим и вашим романом и сделал его в пользу моего. Словом, если я по каким-то причинам откажусь, издадут именно ваш. И я готов сделать это – но при одном условии: для оформления книги вы пригласите мою жену. Поверьте, вы не пожалеете. А если её работу отвергнет редактор – наша сделка остаётся в силе. И пусть вас не мучает мысль, честно ли это. Я ведь сам хочу, чтобы было так. Согласны?

Отметим ещё восторг и горячую благодарность Джона Брукса и поставим, наконец, точку. Дальше всё ясно. Если люди так любят друг друга, удача и успех к ним обязательно придут. Должна же в этом мире быть справедливость?

У каждого свои комплексы

Я вам вот что скажу: мужчина и женщина – они о-очень друг от друга отличаются! И не только в физиологическом плане. Сам образ мыслей и их направленность, логика – ну, всё настолько разное, что даже удивляешься, как им вообще удаётся иногда хоть о чём-то договориться.

Приходит ко мне однажды девушка. Красивая! А фигурка – обалдеть. И вообще, вся такая милая – ну, просто залюбуешься! И улыбка у неё очень приятная. И вот улыбается она и говорит:

– Здравствуйте! Я из жилконторы. Вы заявление писали, что у вас в квартире всяких неполадок много.

– Здравствуйте, – обрадовался я, – раздевайтесь, проходите!

Улыбка у неё тут же погасла, она прямо вспыхнула вся:

– Ну, знаете!.. – говорит. – Меня, конечно, предупреждали, что мужчины только об одном и думают, но вот чтобы так! Я ещё толком-то и войти не успела, а вы уже: раздевайтесь! Я в книжках читала, что раньше мужчина, прежде чем девушке такое сказать, не менее полугода за ней ухаживал: цветы дарил, на свидания приглашал, в театр водил, в ресторан... А вы?... Вы хоть заметили, как вообще это сказали? Даже не «проходите, раздевайтесь», а «раздевайтесь, проходите»! Ужас!

Я, конечно, покраснел.

– Да нет, – говорю, – вы меня неправильно поняли! Я в том смысле, что дождик на улице, плащик у вас промок, ну, вот я и сказал: «Раз...»... в смысле, что повесьте плащик вот сюда; пока вы всё осматриваете, он и подсохнет хоть немного!

Девушка с минуту смотрела на меня недоверчиво.

– Ну, ладно, – говорит, – буду надеяться, что вы и в самом деле это имели в виду. А то уж я прямо растерялась. Что, думаю, делать: войти или наоборот, сразу выйти...

– Как это – выйти? – испугался я. – За кого – выйти? За меня? А я вам ничего не предлагал! Между нами ещё и не было-то ничего, а вы...

Надо же, как внешность бывает обманчива! И где мои глаза были: красивая, милая! Присмотрелся я к ней повнимательнее и вижу: красивая, конечно, но только сквозь эту красоту что-то хищное проглядывает. Охотница, одним словом! Такая мигом любого на себе женит и фамилии не спросит!

– Вот, – сказала она, печально кивая головой, – все вы, мужчины, одинаковы! Не успеет девушка войти, вы сразу: раздевайтесь! А как жениться – так в сторону! Только зря вы испугались: не собираюсь я за вас замуж! Честно говоря, как мужчина вы меня ничуть не заинтересовали!

Это она только говорит так, а сама – я же вижу! – квартиру мою внимательно изучает. Быстренько всё осмотрела, а лицо такое, будто вот-вот скажет: «Дорогой, а ты не считаешь, что нам уже пора поменять мебель»? Или: «Милый, ну, что же

ты сегодня мусор не вынес»? Да хорошо, если ещё так! А то: «Ты когда, наконец, мусор вынесешь, так твою и растак»!

Осмотрела она всё и говорит:

– Ну, ладно, давайте делом займёмся. Так какие у вас проблемы?

– У меня? – хмыкнул я. – Никаких!.. А, вы в смысле: в квартире? Ну, вот, например, ванная. Давайте пройдем туда...

– Как это? – остановилась она. – Что – вместе?

В общем, вижу, заиклилась она на одном и говорю:

– Если не хотите, в саму ванную можно не проходить, я вам из коридора всё покажу. Там у меня радиатор отопления не работает. Сейчас-то ещё ничего: лето, а вот зимой просто невозможно. Разденешься...

– Послушайте, – негодуяше говорит она, – вы что, ни о чём другом думать не можете? С вами опасно рядом находиться! Я в вашей квартире ещё и пяти минут не пробыла, а вы мне уже второй раз раздеться предлагаете!

– Да я не вас имел в виду! – начинаю кипятиться я. – Я о себе! Я разденусь, а...

Она от возмущения аж задохнулась.

– Слушайте, – говорит, – вы меня с каждой минутой всё больше поражаете! Ладно ещё, когда мужчина девушке такое говорит: это, в конце концов, естественно. Но когда он первым собирается раздеться, это уже ни в какие рамки не укладывается!

Вижу, не идёт у нас разговор, никак мы друг друга понять не можем. Ай, думаю, ладно, подумаешь – радиатор!

– Знаете, – говорю, – я вот что подумал: я ведь могу и обогреватель включать. Так что вы на ванную внимания не обращайте...

– Да нет, почему же, – говорит она, – радиатор не работает – это я понимаю. Конечно, его надо ремонтировать. Но только не у одного вас эта проблема: там очередь целая. Так что вам нужно подойти к нам в контору и у секретарши зарегистрироваться.

Ну, и дела, думаю. Меня чуть ли не маньяком выставила, а сама свою линию упорно гнёт: сначала насчёт замужества намекнула, а теперь открытым текстом говорит: нам, мол, с вами зарегистрироваться надо, а то и ремонт делать не будем! А ведь если женщина что-то себе в голову вобьёт – крышка! Не отступится, пока своего не добьётся. Так что надо мне, пока не поздно...

И тут меня прямо-таки в жар бросило! Стоим-то мы в прихожей, а в этой же прихожей на столике возле телефона мой паспорт лежит! Да ведь пока я ей ванную показывал, она десять раз могла его незаметно взять! А дальше – ясное дело: в ЗАГСе у неё, конечно, свои люди, да даже, если и не так, там же женщины работают! А какая женщина своей сестре-женщине в таком вопросе не поможет: мужика охомутать! Нет, представляете, я бы ни сном ни духом, а она через денёк заявляется: «Здравствуй, дорогой муженёк! Ты,

наверное, паспорт свой ищешь? Так он у меня!»! И подаёт мне его; я открываю, а там: «Зарегистрирован брак с гражданкой...»...

Я в институте прыжками в высоту занимался: в соревнованиях участвовал, вполне приличные результаты показывал. А тут и в длину неплохо прыгнул. Схватил паспорт – и в карман! И уж до самого конца её визита руку оттуда не вынимал.

Она, конечно, заметила, поняла, что оплошала, но виду не подаёт.

– Ну, – говорит, – с ванной всё ясно, что у вас ещё не в порядке?

– Ещё, – говорю, – у меня крыша протекает. Давайте в спальню пройдем, я вам покажу.

Она руками всплеснула.

– Вот, – говорит, – я так и знала! Что, думаете, не заметила, как вы на меня ещё там, у двери смотрели? Я сразу поняла: этот меня обязательно под любым предлогом в спальню потащит! Нет, к таким типам, как вы, надо бы мужчин посылать, да только не работают они у нас! Но вы учтите: у меня в сумочке газовый баллончик есть и кричу я очень громко. Да и в конторе знают, куда я пошла. Так что шансов у вас – никаких!

А я с тех пор, как паспортом своим завладел, совсем, было, успокоился и на все её комплексы внимание обращать перестал. Но как она про газовый баллончик сказала, мне

опять не по себе стало: понял я, к чему это она свою линию ведёт. Зайдём мы с ней в спальню, я случайно окажусь рядом, а она под предлогом будто бы ей в моём поведении что-то угрожающее почудилось, брызнет в меня из баллончика, я вырублюсь, а она паспорт мой выхватит – и бежать! Нет, думаю, дистанция – семь шагов, не меньше.

И до чего ж вовремя я всё это сообразил! Она, как только в спальню вошла, баллончик из сумочки достала и на меня смотрит: ясное дело, ждёт, когда я поближе подойду! Да только не вышло у неё ничего! Я прямо у двери остановился, паспорт в кармане покрепче сжал, а свободной рукой на потолок показываю: вот, мол, полюбуйтесь! Ну, нечего делать, пришлось ей акт составлять.

– Где, – говорит, – у вас тут сесть можно, бумаги заполнить?

– Так вот же, – говорю я от двери, – журнальный столик стоит и кресло. Садитесь и пишите всё, что нужно.

Села она, бумаги какие-то достала, стала заполнять, а баллончик рядом положила – ну, на всякий случай: а вдруг я забудусь и близко подойду. Специально очень долго писала, но только я всё равно на эту удочку не поймался. А когда, наконец, закончила, так это небрежно и очень естественно говорит:

– Ну вот, всё. Подойдите, распишитесь!

Ага, думаю, сейчас! Нашла дурака! Но, с другой стороны, как-то неудобно показывать, что я её боюсь.

– Знаете, – говорю, – давайте-ка я вас чаем угощу! Я вижу, вы до сих пор дрожите, промокли сильно, наверное. Так что горячий чай вам не помешает. И не беспокойтесь: я вам его не здесь пить предлагаю, а на кухню пройти. Против кухни-то, надеюсь, вы ничего не имеете?

Она встала.

– Нет, – говорит, – ни против кухни, ни против чаю я ничего не имею. Хотя, знаете, некоторые и на кухне такие чудеса творят!

В общем, дальше у нас с ней всё просто замечательно пошло. Чай я заварил хороший, да и девушку угостить у меня нашлось чем. Я всё быстренько одной рукой накрыл и уселись мы за стол. Она, когда чай пила, совсем успокоилась. Смеяться начала, всякие истории из своей работы рассказывала. Я тоже расслабился, даже руку из кармана два раза вынимал.

Перед тем, как уходить, она меня, всё-таки, в акте расписаться заставила, а листок придерживать не стала. Тут я, было, опять заволновался: мне ж для этого обе руки понадобилось. Расписываюсь я, а сам краем глаза за ней наблюдаю. Но она ничего, стояла спокойно и за баллончик не хваталась. В общем, вполне приличная девушка оказалась. А расстались мы совсем по-дружески: она пообещала, что лично контролирует, чтобы мне весь необходимый ремонт сделали.

Всяких неисправностей у меня в квартире оказалось много. Так что она ещё не раз ко мне приходила. И, в конце кон-

цов, разделась. Но, правда, уже после того, как я с ней зарегистрировался.

День, когда перевернулся мир

С начала 149-й серии популярного телесериала прошло уже больше трёх минут, а ещё до сих пор никого не убили, не ограбили и не изнасиловали. Заинтригованный таким неожиданным ходом сюжета, Трофимов включил погромче звук и стал внимательно наблюдать за событиями.

А на экране происходило что-то непонятное: герои сериала, непомерно суетясь и стараясь опередить друг друга, совершали добрые поступки. Трофимов, совершенно сбитый с толку, пытался разглядеть в их действиях какой-то коварный умысел, но все его предположения не сбывались. Впрочем, ощущалось, что сбит с толку не он один: актёры тоже чувствовали себя весьма неуютно в столь непривычном амплуа и явно не знали, как себя вести. Так, актёр, игравший главного злодея, переводя старушку через улицу, то и дело срывался на крик, а его рука постоянно дёргалась за пистолетом. Когда же он перевёл её, так и не пристрелив и даже ни разу толком не ударив, старушка неумело принялась его благодарить, по привычке пересыпая слова благодарности отборным матом, из-за чего четырежды пришлось глушить их звуковым сигналом. А главная интриганка, из-за чьих злобных наветов в предыдущих сериях пострадало не менее полусотни человек, в течение двух минут безуспешно пыталась погладить по голове соседского ребёнка.

Не все, правда, актёры выглядели такими растерянными. Жена главного героя, не совершая над собой никаких видимых усилий, заботливым голосом осведомилась о здоровье свекрови, а сам герой, садясь в автобус, так легко и непринуждённо пропустил вперёд пожилую женщину, как будто и в реальной жизни ему уже доводилось такое проделывать.

Не менее странно вели себя и дети. Вместо того, чтобы делать что-то такое, что было бы можно снять на мобильный телефон и выставить в Интернет, они внимательно слушали объяснения учителя и прилежно записывали в тетрадь материал, время от времени задавая разные умные вопросы; а придя из школы домой, целовали родителей и тут же принимались помогать им по хозяйству.

После сорока минут такого просмотра Трофимов почувствовал, что нервы его на исходе, и ему просто необходимо переключиться на какую-нибудь новостную программу, чтобы снова глотнуть реальности и немного передохнуть.

Однако, то, о чём говорили в новостях, было ничуть не лучше. После сюжета об олигархе, который совершенно безвозмездно передал социальным службам города все наряды пяти своих бывших жён, одной настоящей и двух будущих, показали не менее странного типа. Он, будучи крупным муниципальным чиновником, уже сегодня с утра успел отвергнуть пять предложенных ему взяток, из которых только одна была операцией ФСБ, а все остальные – настоящими. Снимали его, правда, с чёрным прямоугольником на лице

и с изменённым голосом, очевидно, для того, чтобы не опознала жена, которую вряд ли могли обрадовать такие незапланированные потери в семейном бюджете.

Не на шутку встревоженный Трофимов нервно защёлкал пультом дистанционного управления, лихорадочно переключая каналы в поисках чего-нибудь родного, привычного: хотя бы малюсенькой, пусть даже не очень кровавой, катастрофы или, на худой конец, просто бытовой драки. Минут через двадцать ему стало совершенно ясно, что между руководством всех телевизионных каналов имеет место быть масштабный сговор, цели которого были Трофимову непонятны и поэтому пугали своими непредсказуемыми последствиями. Всё оставшееся до сна время ему пришлось любоваться на опрятно одетых юношей, которые дарили своим подружкам цветы, читали им стихи и вместо общепринятого «тёлка» говорили: «Любимая»; на предупредительных пассажиров, которые только тем и занимались, что уступали друг другу место в городском транспорте; на честных продавцов, которые категорически отказывались обсчитывать покупателей, несмотря на все их просьбы об этом, и прочее.

Только в одном из сериалов мелькнуло что-то знакомое: банда вооружённых террористов захватила в заложники всех обитателей дома престарелых. Они продержали их в плену целый месяц и всё это время вкусно кормили и заботливо за ними ухаживали, а на предложения сдаться выдвигали суровое требование: немедленно заменить весь персонал дома,

который воровал у стариков продукты и плохо о них заботился. В конце концов власти города вынуждены были пойти на уступки. Террористы немедленно сдались, и их тут же отвезли прямо в здание суда, где за пять минут оправдали, освободили из-под стражи и даже не стали отнимать оружие, а пожелали дальнейших успехов.

Всё это совершенно выбило Трофимова из привычной колеи, и поэтому вместо того, чтобы, как всегда, незаметно уснуть под негромкий звук телевизора, он неожиданно для себя поднялся с дивана, пошёл на кухню и стал помогать жене мыть посуду, а потом сам погладил свою рубашку.

И тут до него дошло, что сделал он это не по собственной воле, а под влиянием телевизионных программ и ощутил в спине неприятный холодок. «Вот она, четвёртая власть! – испуганно подумал он. – Зомбируют, гады!»

Утром он с надеждой включил телевизор, но вчерашний беспредел продолжался, и он, не желая, чтобы телевизионщики вертели им, как марионеткой, поспешно отправился на кухню. Но оказалось, что те времени не теряли и за один только вчерашний день сумели полностью взять под контроль его жену: вместо того, чтобы молча показать пальцем на приготовленный завтрак, она нежно поцеловала Трофимова и очень мило пролепетала: «С добрым утром, дорогой!» После этого он в отместку просто был вынужден сказать, что сегодня она выглядит ещё очаровательнее, чем всегда.

Однако всю глубину проведённого зомбирования он осознал в подъезде, когда соседская собака его не облаяла, а начала приветливо вилять хвостом. «Даже животных не пожалели! – ужаснулся он. – Уж хоть бы их-то не трогали!»!

По дороге на работу он со страхом думал: а как, в свете произошедших в сознании людей изменений, сложится сегодня там? Работал Трофимов линейным механиком в автобазе и привык, что на него орут все: и начальство, и шофера, а последние иногда доходили и до рукоприкладства. А вдруг сегодня они начнут разговаривать с ним вежливо и предупредительно? Как ему себя в таком случае вести?

Опасения Трофимова превратились в уверенность, когда он услышал, как живший в соседнем подъезде криминальный авторитет, стоя у машины, отчитывал своего громилу-подручного. «Что же это Вы, друг мой, – мягко журил он, – за весь вчерашний день не смогли получить деньги ни с одного должника»? Громила виновато ссылаясь на плохую память: мол, забыл, что в таких случаях отрезают – нос или ухо; раньше-то с этим проблемы не было, по телевизору каждый день что-нибудь подходящее показывали, а вчера...». Он тяжело вздохнул. «Э-эх, батенька, – укоризненно покачал головой авторитет, – а Вам не приходило в голову, что можно просто обратиться к совести человека: как же, мол, так, уважаемый? Взяли денежки – извольте вернуть! О процентах не думайте: шеф вчера счётчик обнулil и больше включать не собирается, но уж сколько положено, будьте любез-

ны, отдайте»!

Начальство и точно, повело себя более чем деликатно: «Николай Ильич, милый Вы наш, что-то Вы сегодня маленько опоздали! Ну, ничего, ничего, со всяким бывает! Не расстраивайтесь, идите – и спокойно работайте»! К счастью для Трофимова, ни один из шоферов вчера телевизор не смотрел, поэтому рабочий день прошёл, в целом, неплохо. Уже через пять минут после его начала Трофимов полностью оправился и уверенно материл всех без различия пола и возраста.

Труднее дался обратный переход, но делать его было необходимо, так как люди на улицах наотрез отказывались хамить. Дети с почтением выслушивали старших, мужчины улыбались и говорили комплименты всем без исключения встреченным женщинам и даже водители не забрызгивали пешеходов грязью, хотя подходящих для этого луж было предостаточно. Всё же к концу пути Трофимов и сам смог втянуться в эту атмосферу доброжелательности, поэтому без оцепенения прореагировал на то, что жена встретила его с улыбкой и снова поцеловала. «Уже второй раз за сегодня», – отметил он.

Порадовал родителей и сын-пятиклассник. Тоже насмотревшись вчера телевизора, он весь день прилежно и активно работал на уроках и в результате этого принёс домой сразу две пятёрки, чего ни разу не случалось с ним за предыдущие семь лет обучения.

Пример сына подействовал на Трофимова самым неожиданным образом: он решил, что обязательно поступит в какой-нибудь институт и окончит его, хотя бы и заочно. Он сел на диван и стал просматривать газету в поисках подходящего. Жена сидела рядом и смотрела по телевизору сериал, где всё происходило абсолютно по-вчерашнему. Время от времени они обнимались и целовались столько раз, что Трофимов даже бросил считать.

Внезапно в телевизоре послышался какой-то треск, и картинка исчезла. Некоторое время экран оставался пустым, затем что-то замелькало, и появилась заставка «Новости. Чрезвычайный выпуск».

Появившийся на экране диктор был очень суров. Суровым же тоном он пояснил, что только что была обнаружена и арестована крупная международная преступная организация, в состав которой входили инженеры-радиотехники самой высокой квалификации. Им удалось подключиться к спутниковой связи, переключить на себя все каналы и удерживать их более суток, транслируя свои, заранее подготовленные передачи. К настоящему моменту почти все члены банды задержаны и вскоре предстанут перед судом.

На этом новости закончились, и сразу же начался художественный фильм, уже в начальных кадрах которого кому-то методично и неторопливо стали отрезать голову кухонным ножом. Делали это минут десять, и всё это время камера охотно и в подробностях демонстрировала происходящее,

в особо интересных местах давая замедленные повторы.

Трофимов забросил справочник в угол и увлечённо погружился в привычное зрелище. Иногда его мысли возвращались к членам неизвестной организации. «Не вышло у вас, голубчики! – насмешливо думал он. – Хотели нас на свой манер перекрыть? Марионеток из нас сделать задумали! Как бы не так! Мы – свободные люди, и это уже навсегда!»

Перед сном он подошёл к окну и выглянул во двор, немного опасаясь, что ещё не все граждане смогли очнуться от преступного гипноза, и мир уже никогда не будет таким, как раньше. То, что он увидел и услышал, его сразу же успокоило: где-то невдалеке рванула граната и послышались автоматные очереди; в углу двора, возле трансформаторной будки, подростки избивали прохожего, а в самом подъезде истошно завопила женщина, которую, очевидно, грабили. Всё вернулось на круги своя!

Радостно улыбнувшись, Трофимов прилёг на диван и вскоре задремал под негромкий звук телевизора. И даже то, что на кухне гремела посудой жена, не помешало ему быстро заснуть.

Даёшь МиГ-29!

Собрались мы в цеху на перекур. Не только перекуриваем, но и попутно производственные вопросы решаем. Токарь Валера орёт на наладчика Федю, что тот ему фрикцион слабо подтянул; слесарь Михалыч кричит инструментальщику Сергуне, чтобы тот ему новое полотно для ножовки выдал; ученик электрика Сашка втолковывает мастеру Виталию Палычу, что надо сделать, чтобы производительность труда поднять, уборщица Татьяна рычит на всех, чтобы окурки на пол не бросали, а моторист Семёныч сказал, что надо бы выпить. И что интересно: Валера, Михалыч, Сашка и Татьяна изо всех сил орала, чтобы других перекричать; соответственно Федя, Сергуня, Виталий Палыч и все мы на уши показывали – мол, ничего не слышно, – а Семёныч потихоньку сказал, но его все услышали. И, конечно, сразу согласились. И на меня посмотрели. Понятное дело: как-то так сложилось, что когда речь о выпивке заходит, именно я иду начальника приглашать. Я спорить не стал – традиция есть традиция – поднялся и пошёл.

Вот вы, наверное, сейчас думаете: ну, и начальничек у них! С рабочими пьянствует! И будете неправы. Что там скрывать, бывают такие начальники, которые именно так и делают и тем самым роняют свой авторитет и нарушают производственную дисциплину. Наш не такой. У него да-

же, если хотите знать, на столе в кабинете под стеклом лист А4 лежит, а на нём в альбомном формате крупными буквами написано: «Не пей с подчинёнными!»! Это он сам на компьютере набрал и на цветном принтере отпечатал, чтобы всегда перед глазами было. Вроде памятки, в общем. Поэтому когда я к нему прихожу и говорю: «Иваныч, мы тут выпить собираемся, ты с нами будешь?», он молча стекло поднимает, лист обратной стороной переворачивает и только после этого спрашивает: «По сколько сбрасываемся?»

Но в этот день он, похоже, не в духе был. Сразу бурчать начал: «И что за рабочие у меня? Даже выпить – и то без начальства не могут»!

– Ну, скажи честно: не можете ведь? – торжествующе спрашивает он меня.

– Не можем, – признался я. – А как мы без тебя выпьем, если ты зарплату пятый месяц не платишь? Вот нам и приходится в бухгалтерии аванс просить. А бухгалтерша без твоей подписи в приказе ничего не даст.

Но он из моей фразы только первые два слова услышал, улыбнулся довольно и приказ подписал. Ну и, конечно, столяр из кармана достал и мне подал. Ему-то аванс не нужен.

Вышел я из его кабинета, подошёл к бухгалтерии, и тут-то до меня дошло, что в бухгалтерию надо было кого-то другого послать. Потому что наша бухгалтерша Клавдия Петровна меня очень не любит. Всех мужиков любит (она до сих

пор не замужем), а меня – нет. Раньше она и меня любила, а неделю назад перестала. А потому что случай такой был.

Не так давно выяснилось, что на нашем малюсеньком заводике есть профсоюзная организация, и мы все – её члены. А члены профсоюза должны взносы платить. А как мы их будем платить, если нам зарплату не дают? Вот наш профорг, эта же самая Клавдия Петровна, и заставила всех писать заявления, чтобы профвзносы у нас из зарплаты высчитывали. Все безропотно написали, один я под всякими предложениями три месяца от этого удачно увиливал. А неделю назад и я попался. Во всём телевидение виновато: в программе «Доброе утро!» показали мой гороскоп на день, а там сказано: «Вас ожидают крупные финансовые пополнения». Поэтому когда секретарша ко мне подошла и сказала, что меня в бухгалтерию зовут, я, как дурак, и помчался. Только я туда вошёл, наша кассирша Вера Львовна из-за стола выскочила и в дверях встала. А уж мимо неё не проскочишь! Я даже и не пытался. А Клавдия Петровна говорит: хватит тянуть волынку, давай пиши заявление. Я, правда, попытался отговориться, но как-то без энтузиазма, без огонька. Потому что понимал: шансов у меня – никаких. Да я, говорю, не знаю, как его писать.

– Ничего, – говорит Клавдия Петровна, – вот тебе заявление твоего напарника Бунина, пиши всё, как у него, только в шапке, естественно, свою фамилию поставь.

Ну, написал я шапку заявления, стал уныло читать дальше: «Прошу высчитывать мои профсоюзные взносы из мо-

ей зарплаты», – и тут меня осенило. Ах, так, думаю, значит, всё, как у него? Ладно! И написал: «Прошу высчитывать мои профсоюзные взносы из зарплаты Бунина». Расписался и ей подал. Она до того обрадовалась, что, наконец-то, из меня заявление выбила, что даже читать не стала, а в общую папку сверху положила.

А на следующий день у них ревизия была. И, конечно, комиссия её отчитала за то, что одно заявление не совсем правильно написано. И в акте проверки это указали. Вот она меня и невзлюбила.

Что же, думаю, теперь делать-то? Не даст она мне денег, из вреда не даст. А я из-за этого перед мужиками опозорюсь. Но ничего, выкрутился. Сказал, что Семёныч с женой на развод подали, вот он и хочет это событие отпраздновать. Клавдия Петровна без звука всю сумму отсчитала и сказала, что на святое дело ничего не жалко.

Собрались мы, как всегда, за столом в раскомандировке. Водку в стаканы налили, закуску порезали – тут и начальник подошёл. А следом за ним и Клавдия Петровна явилась. Семёныча по голове погладила и рядом с ним села. Она, оказывается, на свои деньги бутылку коньяку купила, но наливала из неё только Семёнычу.

Вначале, как обычно, анекдоты рассказывали, но потом разговор серьёзный пошёл. Начальник сказал, что, вроде бы, иногда даже работаем, а выручки почти никакой не получаем, а скоро вообще обанкротимся. А всё потому, что ерун-

дой занимаемся: тракторы и бульдозеры ремонтируем, а их в городе всего несколько штук. Надо бы за что-то выгодное взяться, да вот за что?

Тут ученик Сашка и ляпнул: надо, мол, МиГи двадцать девятые делать, он сам по телевизору видел, что чуть ли не все иностранные государства за ними прямо в очередь выстраиваются. Мы, конечно, рассмеялись: всю жизнь тракторами занимаемся, и то не выпускаем, а только ремонтируем, а тут – самолёт! Да ещё какой: лучшая в мире боевая машина! Да и электроники в нём, наверное, побольше, чем в телевизоре. Ну, ты, Сашка, и загнул!

Однако, после пятой бутылки снова к этому разговору вернулись. И – странное дело! – почему-то эта идея уже перестала нам казаться бредовой. Вдохновлённый коньяком Семёныч заявил, что двигатель он берёт на себя. У него, мол, давно лежит списанный двигатель от «К-700», и он берётся довести его до нужной мощности.

Слесарь Михалыч сказал, что не видит ничего сложного в том, чтобы изготовить всякие там крылья и фюзеляж: одно время он работал кровельщиком и ещё не всё из этого забыл. И тормозные колодки ему клепать приходилось. Так что, говорит, загну и склепаю в лучшем виде.

Тут уже и все закричали, что Русь всегда умельцами славилась – взять, хотя бы Левшу с Кулибиным, – а мы чем хуже? Не посраим чести и памяти предков!

Стали детали обсуждать, и чувствуем: получается. Что

начальник ни спросит – а это, мол, как? – на всё ответ у кого-нибудь есть. Через полчаса и две бутылки самолёт, в принципе, был готов. Тогда стали о рынках сбыта думать. Начальник говорит: это самое трудное – у своих денег на такую продукцию нет, а за рубеж мы выхода не имеем. Тут и Клавдия Петровна вмешалась:

– То есть, как это – «не имеем»? Очень даже имеем: я через неделю в турпоездку в Египет еду, найду там кого-нибудь.

В общем, к концу застолья мы все дружно себя ругали, как это раньше до такой простой вещи не додумались.

На следующий день, честно говоря, некоторые из нас полагали, что на разговорах всё и закончилось. Ан нет. Прямо с утра начальник велел открыть бывшее складское помещение (оно давно пустое стояло: из него ещё три года назад последний болт унесли) и сказал, что это будет ангар для постройки самолёта. Оказалось, что он времени зря не терял. Ещё с утра нашёл в каком-то журнале фотографию МиГа, увеличил её на компьютере и, как только вошли в склад... е., ангар, фотографию эту на стену повесил и сказал, что больше никаких чертежей у нас не будет, придётся работать по тому, что имеется.

Потом пошли в раскомандировку и стали распределять фронт работ: кто чем конкретно заниматься будет. Здесь никаких сложностей не оказалось, и только для мастера Виталия Палыча ничего подобрать не смогли: он после шко-

лы сразу в институт поступил и поэтому никакой полезной специальности не приобрёл. Но начальник и тут оказался на высоте: сказал, что назначает его лётчиком-испытателем. Тем более, выяснилось, что он – единственный из нас – уже и раньше аж три раза на самолёте летал. Правда, не пилотом, а пассажиром, но ведь и это – какой-никакой, а опыт.

И завертелось! Скажу честно: начинать было очень трудно. Когда вошли в пустой ангар, страшновато было. Как представишь, сколько работы впереди – руки опускаются. Но ведь начать можно только одним способом: начать! И ничего, втянулись.

Хорошо всё-таки, что есть такая вещь: стандарт. Оказалось, что многие детали тракторов, бульдозеров и экскаваторов запросто и для самолёта годятся. Ну, буквально всё в дело пошло. Кроме гусениц, конечно. Их мы никуда приспособить не смогли. А в остальном – просто прелесть. Взять, к примеру, трактор «Беларусь» – так ведь его ходовая часть с колёсами прямо-таки готовое шасси. Рулевое колесо ножовкой в двух местах распилили – штурвал получился. И кабина почти без переделок для самолёта подошла. А списанный двигатель от «К-700»? Цилиндры расточили, загильзовали, такой вакуум получился, так мощность возросла, что ставь его обратно на «Кировец» – без всяких крыльев взлетит!

А Михалыч взял в помощники наладчика Федю, и они вдвоём корпус изготовили. Действительно, кровельщик он

оказался на удивление, и Федя под его руководством эту специальность освоил. Другие – в том числе, и я – ничем им не уступали, и через три недели МиГ был, практически, готов. Прямо хоть сейчас лети.

Но тут-то мы и загрузили. Потому что делали его не для того, чтобы самим летать, а чтобы иностранцам продавать. А иностранцы ведь избалованные: без кондиционера или бортового компьютера самолёт не купят. А из чего это делать? Всю электронику? С остальным легко было: за годы нашей деятельности на заднем дворе целое кладбище угробленной техники скопилось. Снимай с неё чего хочешь, – хоть с бульдозера, хоть с экскаватора, – доработай немного и ставь. А из электроники мы только два сломанных чёрно-белых телевизора нашли, 1965–го года выпуска. Электронное направление у нас ученик Сашка вёл, так он твёрдо заявил: из этого ничего использовать нельзя. В общем, деньги нужны, а где их взять?

Но тут абсолютно вовремя к нам финансовая помощь подоспела. Вот что значит – грамотно всё спланировать! Клавдия Петровна из Египта вернулась.

Поначалу мы её не узнали. Сами представьте: подъезжает новенький «Вольво», выходит водитель, дверцу с поклоном открывает, а оттуда роскошная женщина выплывает: в шляпке какой-то умопомрачительной, в платье от... кого-то из классиков и вся в бриллиантах. Не сразу мы в ней нашу Петровну признали!

Через полчаса начальник всех в Красный уголок позвал: сказал, что Клавдия Петровна с чудесными новостями вернулась.

Сначала она про себя рассказывала. Приехала, мол, в Египет, хотела личную жизнь наладить, поэтому всем громко заявляла, что не замужем. Но это никого не заинтересовало (да оно и понятно, внешность у неё... не очень...). Тогда она плюнула на личное и занялась поисками покупателя для нашего самолёта. Вот тут-то всё и началось! Как только выяснилось, что она работает бухгалтером на заводе, который МиГи выпускает – женихи к ней толпами повалили! Да ещё какие женихи – сплошь миллионеры и миллиардеры! Теперь уже она стала ото всех нос воротить, но, в конце концов, на короле одного арабского государства остановилась и за него замуж вышла (какого именно государства, она не знает: они там только один раз ночью были, да и то недолго). А закончила она так:

– В общем, мы с мужем у вас этот самолёт покупаем и делаем заказ ещё на девятнадцать! Вот вам аванс!

Тут она небрежно кейс открывает, а он – полный долларов!

Взяли мы из этих денег небольшую часть и необходимых деталей накупили, а остальные в развитие производства вложили; да, наконец-то, начальник нам зарплату выдал!

Ученик электрика Сашка рьяно за дело взялся. Он молодцом оказался: времени не терял, успел двухгодичную под-

шивку журналов «Юный техник» просмотреть и всё нужное там нашёл.

Через неделю к лётным испытаниям приступили. Виталь Палыч в кабину забрался, ручкой нам помахал и взлетел. Полетал над городом минут двадцать, на всех режимах машину опробовал и благополучно на заводском дворе приземлился. Мы к нему кинулись: ну, как?

– Для первого раза очень даже неплохо, – говорит он. – Недоделки, конечно, есть; кое-что исправить просто необходимо. Ну вот, к примеру, ковш от экскаватора лучше, всё-таки, снять: и обзор из-за него плохой, да и тяжеловат он. Когда на вираж заходишь, сильно вправо бросает. Трудно машину на курсе держать.

Мы взвыли: там же все гайки прижавели, потому его и оставили, что открутить не могли; но Виталий Палыч стоял на своём. Пришлось гайки бензорезом срезать и ковш снимать.

В общем, устранили мы все недоделки и к концу месяца машину сдали заказчику. Поволновались, конечно, но всё обошлось. Теперь над остальными машинами этой серии работаем. Сейчас много легче пошло: опыт появился. Кое в чём мы даже своих коллег из настоящего МиГа обошли. Например, на стекло кабины пилота «дворники» всё от той же «Беларуси» поставили, так что наш МиГ, в отличие от ихнего, и в дождь летать может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.